

РУССКИЕ ОСТРОВНЫЕ ГОВОРЫ ЮГА УКРАИНЫ В ПОЛИАЗЫЧНОМ ОКРУЖЕНИИ (динамика лексики)

Л. Ф. Баранник (Одесса)

На территории юга Украины, в Одесской области, более двух веков функционируют русские островные говоры, которые вследствие изоляции от основного материнского языкового и диалектного массива и активного взаимодействия с полиязычным окружением: украинским, болгарским, молдавским — весьма специфичны в своем развитии.

Лексический состав русских островных говоров дает ценные сведения об особенностях динамики их лексико-семантической системы в полиязычной среде, о специфике контактов на лексическом уровне как близкородственных языков и диалектов, так и языков и говоров более отдаленного родства.

Анализируемая нами лексико-тематическая группа наименований женской одежды и головных уборов позволяет выявить ряд характерных процессов, свойственных лексико-семантической системе островных русских говоров, длительное время функционирующих в полиязычном окружении. Исследователи неоднократно отмечали, что специфику лексики этой тематической группы (ТГ) составляет ее тесная связь с наиболее изменчивыми элементами материальной культуры, что, в свою очередь, обуславливает ее неустойчивость и подвижность. Эта ТГ в гораздо большей степени, чем лексика иных ТГ, отражает особенности трудовой деятельности, быта, культуры, межъязыковых контактов того или иного этноса, ввиду чего является надежным источником сведений об эволюции словарного состава. Изучение словаря одежды в плане его эволюции, развития, несомненно, заслуживает особого внимания.

В значении “одежда вообще”, “верхняя одежда” в русских островных говорах Одесщины функционируют слова *одёжа, одеянье, одяг, обряд, обрядья, убор, наряд*, отличающиеся друг от друга оттенками значений, коннотацией, сферой употребления. Наиболее распространено в исследуемых говорах слово *одёжа*; лексемы *обряд, обрядя, обрядье, убор, наряд* употребляются, как правило, в речи представителей старшего поколения, причем *обряд, обрядье, обряда* обозначают всякую одежду вообще, а *убор, наряд* — чистую хорошую одежду (преимущественно женскую). Характерно, что подобная дифференциация общих наименований одежды свойственна и говорам материкового южнорусского диалектного массива. (11:108-109).

Займствованное русскими переселенцами из украинского языка *одяг* на русской почве сузило свою семантику, стало обозначать не всякую одежду вообще, а только готовую одежду фабричного производства. Семема “старая, плохая одежда” в русских островных говорах передается эмоциональ-

но-экспрессивными апеллятивами *лохмотья, гуни, лахи*. Слова *гуни, лахи* заимствованы из соседних украинских говоров. Характерны они и для западноукраинского ареала (3:76). Для наименования грубой одежды в русском говоре села Чапаевка Котовского р-на употребляется локализм *грубина*, не зафиксированный ни одним из использованных нами словарей.

В словарном составе русских островных говоров Одесщины до сих пор удерживаются старинные южнорусские названия женской одежды и головных уборов. Очевидно, немаловажную роль в этом сыграло бережное отношение русских переселенцев к своим традициям. Память о старинном типе одежды жива. Старинный женский наряд южнорусского типа используется на свадьбах, гуляньях, концертах художественной самодеятельности. Все записанные нами южнорусские слова, обозначающие различные виды старинной женской одежды, головных уборов, употребляются в переселенческих говорах с первоначальной семантикой.

В русских селах Одесской области, основанных переселенцами из Обоянского уезда Курской губернии, удерживается слово *саян* для обозначения старинного сарафана на лямках (*мышках*). С таким же значением слово *саян* как смоленское, тверское включено в “Опыт” и “Толковый словарь живого великорусского языка” (Д., IV:139); пометой “кур.” у Даля отмечено *саянка* “род сарафана, высокой юбки с помочами”. В Смоленской губернии *саян* “шерстяной сарафан” фиксирует Добровольский (Добр.: 813), в Курской — Резанов и Резанова (с семантикой “ситцевый сарафан” (Рез. Вл.: 71; Рез. Е.:102), Машкин в значении “женская одежда в роде сарафана” (Машк. — 4:53). Саяны в прошлом столетии были широко распространены в Курской губернии. Описывая одежду обоянских крестьянок, Машкин указывает, что саяны носили все, и пожилые женщины, и молодые, и девицы: “Саяны носят пожилыми женщинами более китайчатые, а молодыми девицами — ситцевые и красные штофенные” (Машк. — 1:10). В XIX в. и в начале XX в. *саян* у курянок отмечают также К. А. Авдеева (2:58), Н. Добротворский (8:209), И. С. Абрамов (1:206), Б. А. Куфтин (10:109) и другие исследователи народного быта. Спорадически в речи стариков в русских островных говорах встречается слово *шубка* “особый вид старинного сарафана с широкими проймами (“Насили шупки широкие, как саяны, только на проймах”). А. С. Машкин пишет: “Шубка — старинная русская одежда в роде сарафана, украшенная металлическими пуговицами от груди до подола в один ряд” (Машк. — 2:500). Уже в 50-60-е гг. XIX в. *шубка* в Обоянском уезде считалась “самою старинною одеждою” (14:11). Бытование *шубки* в Курской губернии отмечают также К. А. Авдеева (2:57) и М. Г. Халанский (16:5). В рассказах старожил о прошлом встречается слово *блосни́ца* “ночная женская рубашка” (“Блосницу на начь надивали, рубашку ат блох: блох была многа”). Лексема *блосни́ца* с данной семантикой бытовала у южнорусов XIX в. (0-Д — 1:9), известна была и другим русским говорам, что позволило Далю включить ее в свой словарь без ограничительных помет (Д., 1:99).

В русских говорах Одесщины для наименования частей женской рубашки в пассивном слове сохраняются лексемы *стан*, *станушка* и *подставка*, *подставушка*. *Стан*, *станушка* — верхняя часть женской сорочки, *подставка*, *подставушка* — нижняя ее часть. В словаре Даля *подставка* *рубахи*, *подстава* — “исподняя часть от пояса, из более грубого холста” (Д., 111:205). О неординарном значении *стан*, *стануха* сообщают этнографы: “У южных великороссов “станом”, “станушкой” обычно называется верхняя часть (рубахи составленной из двух частей), а нижняя — “подставкой”, у северных великороссов, наоборот, “станом” чаще называется “нижняя часть”, а верхняя — “рукавами, воротушкой” (13:602).

В русских селах Одесщины и сейчас старые женщины носят *бурмуз* (ум.-ласск. *бурмузик*), который представляет собой вид длинного теплого пальто без застежки, с расширенными книзу полукруглыми полами. Дialeктное *бурмуз* восходит к слову арабского происхождения *бурнус*. Оно зафиксировано в ТСУ (1:207). В “Словаре иностранных слов” *бурнус* “род женского пальто в старину” (СИС:125). Производными от *бурмуз*, *бурмузик* в исследуемых говорах являются исконные курские: *полбурмуз*, *полбурмузик*, которые не встречаются ни в одном из использованных нами словарей, но упоминаются К. А. Авдеевой в “Записках о старом и новом русском быте”: “Зимой надевают коротенькую шубу (*полбурмузик*) или длинную (*бурмузик*), смотря по погоде” (2:59). *Полбурмузик* — это “теплая зимняя женская одежда без застежки, до бедер длиной”. В русских селах Одесщины зафиксировано также слово французского происхождения *сак* (ум.-ласск. *сачок*) “женское пальто свободного покроя” (СИС:618). В донских говорах *сак* — “теплое женское пальто” (Мирт.: 281). Для наименования полупальто в исследуемых говорах употребляются местные дериваты от *сак*: *полтусак*, *полтисак*, *пальтисак*.

Для наименования глухого темного платья русские употребляют заимствованное у соседей-болгар слово *ро́кля* (*ро́ття*) (7:85-89). Слова *ро́кля*, *ро́ття* бытуют в речи представителей старшего поколения, причем, как правило, в рассказах о прошлом или о болгарях. В русских говорах болгарское *ро́кля* сузило, конкретизировало свое значение (ср. болг. *рокле* “всякое женское платье вообще” (БТР:797; Чук.; 7:85), в русских говорах *ро́кля*, *ро́ття* “платье особого покроя, строгое, глухое, обычно темного цвета”. Абсолютным синонимом к общезвестному *платье* в исследуемых островных говорах выступает заимствованное из украинского языка *плáття*. Думается, по аналогии с *плáття* в некоторых русских поселениях говорят не *ро́кля*, а *ро́ття*.

В исследуемых островных говорах встречается несколько наименований юбок: *панёва*, *кумáч*, *ленíчка*, *подиспóдник*. Из них только *панёва* “женская клетчатая или полосатая запашная юбка” фиксируется в словарях. Даль отмечает распространение *панёвы* “в губерниях акающих: пен., тмб., вор., частью кур., орл.” (Д., 111:15). *Кумáч*, *ленíчка*, *подиспóдник* являются узко ло-

кальными образованиями. *Кумáч* “нижняя юбка” и *ленíчка* “юбка из льняного полотна” мотивированы наименованиями ткани, из которых шьются: *кумáч*, “простая бумажная ткань, обычно алого, иногда синего цвета, на сарафан” (Д., 11:217), *ленíчка* шьется из льна. Слова *кумáч* и *ленíчка* бытуют лишь в речи старшего поколения, *подиспóдник* “нижняя женская юбка” употребляется довольно широко. Внутренняя форма этого слова весьма прозрачна.

Особый синонимический ряд в русских говорах Одесщины составляют диалектные названия кофты. В логико-понятийном отношении эту микрогруппу организуют семейные оппозиции “вид ткани” — “вид покроя” — “способ изготовления” — “предназначение”: *бабёйка*, *бабёшка* “женская блузка с лифом в мелкие складочки-защипы”, *бáска* “короткая, в талию, женская кофта”, *вязанка*, *вязаночка* “вязаная кофта, обычно из шерстяных ниток”, *плётёнка* “вязаная кофта, то же, что *вязёнка*” (Плитёнка — вязаная кофта, плитёнку сами шили), *батíстовочка* “блузочка из батиста”, *бумазейка* “легкая женская кофта из бумазеи” (У Даля *бумазейка* “бумажная ворсистая ткань” (Д., 1:141), *ли́фик* “летняя кофта без рукавов” (Летам мы любили лифик адывать: лехка, ни жарка). Все эти наименования, за исключением слова *бáска*, которое фиксируется как в севернорусских, так и в южнорусских говорах (СРНГ, вып. 2:131), являются узко локальными. Они свидетельствуют о развитии лексики островных говоров за счет своих, исконных, диалектных ресурсов, как словообразовательных, так и семантических. Показательно, что слово *бáска*, помимо значения “женская кофта”, в русских островных говорах развило ряд других ЛСВ: “верхняя мужская рубашка”, “детская рубашка” (Русская Ивановка, Павловка), “вышитый кусок материи, который надевают поверх юбки” (Павловка), “четырёхугольный женский платок” (Баски на галаве носят. Русская Ивановка, Сергеевка, Успеновка), “мужская маленькая шапочка в виде тюбетейки” (Павловка). Широко распространено в русских говорах Одесщины ум.-ласск. образование от *бáска* — *бáсочка* в значении “женская блузочка” (Все бабы у бáсачках), а также в значении “мужская маленькая шапочка” (Коля, адень басачку, а то галаву напекеш. Вознесенка, Введенка, Павловка). Как видно из примеров, в одной и той же частной диалектной системе, в лексико-семантической системе одного говора, длительное время функционирующего в отрыве от основного языкового и диалектного массива, возможно развитие несколько новых значений у исконно русских лексем. Причем процесс возникновения инноваций, как словообразовательных, так и семантических, в русских островных говорах проходит очень активно, в качестве исходного материала выступают не только исконно русские слова, но и заимствованные.

Диалектологи считают, что изменение семантики слов в говорах вызывается, главным образом, господствующей в них тенденцией к лексической детализации, дифференциации общих понятий. Новые значения, появившиеся обычно в результате разного рода переносов наименований, как прави-

ло, сосуществуют с первоначальными, и таким образом слова, приобретая новые ЛСВ, становятся многозначными. Так, например, в говоре села Вознесенка Арцизского района зафиксировано два разных слова в значении “воротник” — *блин* и *комир* (Блин к кохти пришит, комир — михавой — пальте чи на шуби). Слово *блин* в значении “воротник” не отмечено ни одним из использованных нами словарей; это узко локальная семантическая инновация: здесь налицо перенос наименования с одного предмета на другой по внешнему сходству. Слово *комир* заимствовано русскими из украинского языка с целью детализации более общего понятия *воротник вообще*. Как свидетельствуют приведенные контексты, *блин* — это “плоский воротник кофты”, *комир* — “меховой воротник шубы или пальто”. Семантическое изменение метафорического характера претерпело в говоре села Вознесенка также литературное слово *лягушечка*. В речи вознесенцев слово *лягушечка* употребляется не только в общеизвестном значении, но и в узко локальном — “разноцветная вставка между бретельками сарафана на спине” (Волну разноцветную для фасона вставляли, лягушечкай называли). Слово *лягушечка* в этом значении в словарях не зафиксировано. Ср. аналогичное семантическое новообразование в говоре села Петропавловка Саратовского района, где для наименования блестящей, расшитой бисером вставки на блузке или платье употребляется слово *жабочка*. Наблюдения показывают, что диалектные значения у литературного слова обычно возникают в говорах на базе общеизвестного значения, зачастую по принципу метафоризации или метонимии, и сосуществуют вместе с ним. Так рождаются диалектные семантические экспрессивы с ярко выраженной коннотацией. Примером метонимических местных инноваций могут служить слова *баска* в знач. “кофта”, *лифик* — “кофта без рукавов” *жакёт* (*жукёт*) — “костюм”, *бахрома* — “платок с кистями”, *клеёнка* — “плац” и др. Примером диалектных экспрессивов, возникших в результате метафоризации, кроме уже отмеченных *лягушечка* и *жабочка*, являются локализмы: *барашки* “волнистые украшения на женском платье”, *грибы* (*зрибы*) “круглые волнистые оборки на платье, по внешнему виду напоминающие грибы волнушки”, *дымка*, *дымка* “кружево”, *трубы* “штанины” и др. Аналогичные изменения общеизвестных слов наблюдаются в лексико-семантических системах русских говоров основного диалектного массива. (15:156-190).

Ряд литературных слов в русских говорах Одесщины имеют лишь общее звучание с соответствующими диалектными и выступают по отношению к ним как омонимы. *Шубка* — “уменьш. к *шуба*: короткая и легкая шуба (обычно женская или детская), в исследуемых говорах — “старинный женский сарафан”. *Грудинка* — “мясо из грудной части туши”, в говорах — “верхняя часть женского фартука”. *Плюшка* — “небольшая сдобная булочка обычно плоской формы”, в говорах — “женское полупальто из плюша”.

Интересны и разнообразны в русских говорах Одесщины наименования женских головных уборов. В пассивном словаре старух удерживается слово

“старинный головной убор замужней женщины в виде шапочки, собирающей волосы на затылке и закрывающей их”. Сборник “женский головной убор” в Обояни отмечен А. Машкиным (Машк. — 2:501), в Смоленской губернии — Добровольским (Добр.:814). Замужние женщины носили, в отдельных случаях носят и теперь *очёпки* “головные уборы в виде чепчиков”. В словаре Даля слова *очёпок* и *очёпок* “сборник, головной женский убор; исподний чепец под платок” снабжены пометой “южн”. (Д., 11:776). Ср. укр. *очіпок* “головной убор замужней женщины в виде чепчика” (УРС:482). В старину замужние женщины поверх оцепка надевали *кичку*. По свидетельству А. С. Машкина, кички носили замужние женщины-обоянки. (Машк. — 1:12). Подробное описание кички, важнейшей детали южнорусского головного убора, находим у Н. П. Гринковой (5:280).

Дифференцированы в русских островных говорах наименования женских головных платков: *атлас* “большой шелковый платок яркого цвета”, *махра* (*махры*) “шелковый платок с бахромой, обычно коричневого или черного цвета”, *подкрывка* “полукруглый головной платок из кружева”, *хустка* “легкий платок” (ср. укр. *хустка*), *косяк*, *косячок*, *косинка* “косынка”, *шущалька* “теплый платок в клетку”. *Шущалька* — узко местный дериват от *шаль*, *шалька*. К узко локальным относится также *козипуховый платок* “платок из козьего пуха, козепуха”. У Даля находим только словосочетание *козий пух* — “подшерсток, самый мягкий, тонкий вид шерсти, из которой ткуются дорогие ткани” (Д., 11:132).

Сохраняя вот уже два столетия свою культуру, обычаи и язык вдали от метрополии, русские поддерживают активные тесные бытовые, хозяйственные и культурные контакты с представителями других этносов, живущих на территории Одесщины, что приводит к появлению в словарном составе русских говоров многих заимствований, среди которых выделяются локальные лексические интернационализмы, имеющиеся во всех разноязычных диалектах этого многонационального ареала. Наличие таких локальных интернационализмов в соседних украинских говорах отмечает П. Е. Гриценко (6:64). К такого рода интернационализмам в русских островных говорах следует отнести заимствованное, видимо, у молдаван наименование тонкого шерстяного платка *барыжик* (*барысик*, *барёжик*). Ср. молд. *барёж*, *барічи*, *барізі* в этом же значении (МРС:74). Слово *барыжик* и его варианты прочно укоренились в русских островных говорах, на русской почве возникли его уменьшительно-ласкательные дериваты: *барызочка*, *барышечка*, *барысочка*. Это свидетельствует о полном усвоении данного лексического заимствования русскими. Характерно, что слова *барыжик*, *барёжик* известны также в соседних украинских и болгарских говорах. Эти слова, как и *рөкля*, *рөття*, *хустка*, являются на территории Одесщины интернациональными регионализмами; они активно употребляются во всех говорах этого полиязычного региона: русских, украинских, болгарских, молдавских, гагаузских.

Анализ наименований женской одежды в русских островных говорах

Одесщины показал, что лексико-семантическая система русских говоров, функционирующих более двухсот лет в полиязычном окружении, весьма динамична. Уходят вместе со старыми реалиями многие слова, появляются в результате заимствования из соседних языков и говоров новые. Заимствованные слова активно усваиваются русской лексической системой и меняются фонетически, морфологически и семантически под ее влиянием. Происходят различные изменения в семантике диалектизмов, появляется разветвленная вариативность в названиях женской одежды, возникают многочисленные ряды синонимов, образуются полисемантические слова. На базе литературных, диалектных и заимствованных слов в островных говорах рождаются многочисленные инновации, локальные образования, как правило, эмоционально-экспрессивные. Все это свидетельствует о динамике лексико-семантической системы русских говоров Одесщины.

Литература

1. *Абрамов И. С.* О курских саянах. Этнографический очерк // Живая старина вып. III, год XV. — СПб., 1906.
2. *Авдеева К. А.* Записки о старом и новом русском быте. — СПб., 1842.
3. *Бичко Зиновій.* Діалектна лексика Опілля. — Львів, 1997.
4. *Будде Е. Ф.* О говорах Тульской и Орловской губерний. Материалы, исследования и словарь // Сборник ОРЯС, т. 76, № 3, — СПб., 1904.
5. *Гринкова Н. П.* Материалы по южновеликорусской и поволжской одежде // Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. X. — Л., 1947.
6. *Гриченко П. Ю.* Болгарські лексичні елементи в українських говірках // Українсько-болгарські культурні взаємини ХХ ст. — Київ: Наукова думка, 1988.
7. *Державинъ И. С.* Болгарскія колоніи въ Росіи (Таврическая, Херсонская и Бесарабская губерніи). — София: Мартилен.
8. *Добротворский Н.* Саяны. Историко-этнографический очерк // Вестник Европы, т. V. — СПб., 1888.
9. *Зеленин Д. К.* Женские головные уборы восточных (русских) славян. — Прага, 1927, V, № 3.
10. *Куфтин Б. А.* Материальная культура русской Мещеры // Труды государственного музея Центрально-промышленной области, вып. 3. — М., 1926.
11. *Лыжова Л. К.* Лексико-семантическая характеристика группы слов со значением "одежда", "одеваться" в народных говорах // Материалы по русско-славянскому языкознанию. — Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1978.
12. *Манаенкова А. Ф.* Лексика русских говоров Белоруссии. — Минск, 1973.
13. *Маслова Г. С.* Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX— начале XX вв. // Восточнославянский этнографический сборник. Труды института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, т. XXXI. — М., 1956.
14. *Машкин А. С.* Быт крестьян Курской губернии Обоянского уезда // Этнографический сборник, вып. 5. — СПб., 1862. — В сокр. — Машк. — 1.
15. *Оссовецкий И. А.* Лексика современных русских народных говоров. — М.: Наука, 1982.
16. *Халанский М. Г.* Народные говоры Курской губернии (Заметки и материалы по диалектологии и народной поэзии Курской губернии). — СПб., 1904.

Условные сокращения

- БТР — Български тълковен речник — 2-е изд. — София, 1963.
 Гр. — Б. Гринченко. Словарь украинского языка, тт. I-IV. — Киев, 1907-1909.
 Д. — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, тт. I-IV. — Москва, 1955.
 Добр. — В. Н. Добровольский. Смоленский областной словарь. — Смоленск, 1914.
 Машк.-2 — А. Машкин. Обычаи и обряды простонародья в городе Обояни // Труды Курского губернского статистического комитета, вып. I. — Курск, 1863.
 Машк.-3 — Песни, собранные в городе Обояни и его уезде А. С. Машкиным // Курский сборник. Изд-е Курского губернского статистического комитета, вып. III. Материалы по этнографии Курской губернии. — Курск, 1902.
 Машк.-4 — Сборники А. С. Машкина // Курский сборник. Изд-е Курского губернского статистического комитета, вып. IV. Материалы по этнографии Курской губернии. — Курск, 1903.
 Мирт. — А. В. Миртов. Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. — Ростов-на-Дону, 1929.
 МРС — Молдавско-русский словарь. — Москва, 1960.
 О-Д-I — Дополнение (первое) к "Опыту областного великорусского словаря". Изд-е Академии наук. — СПб., 1858.
 Оп. — Опыт областного великорусского словаря. — СПб., 1852.
 Пр. — А. Г. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, тт. 1-2. — М., 1958.
 Рез. Вл. — В. В. Резанов. К диалектологии великорусских наречий. Особенности живого народного говора Обоянского уезда Курской губернии // Отдельный оттиск из "Русского филологического вестника". — т. XXXVIII, N 3. — Варшава, 1897.
 Рез. Е. — Этнографические материалы, собранные в дер. Саломыковой Обоянского уезда учительницей Е. И. Резановой. // Курский сборник. Изд-е Курского губернского статистического комитета, вып. III. — Курск, 1902.
 СИС — Словарь иностранных слов / Под редакцией И. В. Лехина и проф. Ф. Н. Петрова. Изд-е пятое, стереотипное. — Москва, 1955.
 СРНГ — Словарь русских народных говоров, вып. 1-27. — Москва-Ленинград, 1965-1991.
 ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка, тт. 1-17. — Москва, 1948-1965.
 СУМ — Словник української мови, тт. I-IV. — Київ, 1953-1962.
 Уш. — Толковый словарь русского языка. Под редакцией Д. Н. Ушакова, тт. I-IV, 1935-1940.
 Чук. — Сава Чукалов. Българско-руски речник. — София, 1957.